

4. Заключение

Процесс колонизации Зауралья конца XVI – первой половины XVIII веков явился крайне многообразным, и лишь в самом первом приближении рассмотренным нами, примером организации населения в пространстве. Сложное сочетание внешних и внутренних факторов этого процесса, показанное нами, позволило отойти от бытующего представления о мутациях в колонии как прямом следствии тех или иных местных условий. Более того, это позволило показать условность самого разделения факторов на внешние и внутренние. Факты внешней среды лишь тогда воздействуют на социальную структуру, когда становятся фактами среды внутренней. Поскольку, согласно общетеоретическим соображениям, внешняя информация есть во многом производная от информации внутренней, прямая зависимость социума от внешних условий становится еще более сомнительной. Социальная структура в процессе колонизации новых территорий находит в них прежде всего саму себя, видит в них отражение своих представлений и потребностей. Этот тезис позволяет вычленивать два крайних варианта в процессе пространственной организации колонии. В первом варианте, перенос или максимально точное воспроизведение на новой территории структуры метрополии позволяет избежать или свести к минимуму возможные мутации колониальной структуры. Если местные условия не будут препятствовать, колония будет простым продолжением или повторением метрополии. Во втором варианте, накопление ошибок или повышение общего уровня хаотичности структуры при переносе или воспроизведении ее в колонии (в том числе и под воздействием местных факторов) неизбежно приведет к такому же ошибочному (отличному от традиционного для данной структуры) восприятию новой среды. Соответственно, новые средовые представления будут транслировать и укреплять мутации колониальной структуры, делать ее отличия от метрополии все более устойчивыми и инертными. Реальные

колониционные процессы, в том числе и рассмотренная нами колонизация Зауралья, обычно сочетают в себе признаки обоих вариантов.

Элементарные субъекты поселенческой структуры – конкретные поселения – являются наглядным примером вторичности, производности пространственных представлений от свойств самой структуры социума. Как в то время, так и сегодня поселения служат одними из основных репрезентантов пространства. Имея в основе своей пространственной локализации по большей части конъюнктурные, и даже просто случайные обстоятельства, населенные пункты, тем не менее, уже самим фактом своего существования изменяли «силовые линии» информационного пространства, конституировали его, делая тем самым свое бытие неслучайным, оправданным. Различия в информационно-пространственной локализации отдельных поселений определяли их различный статус и качественную разнородность. На первом этапе колонизации Зауралья его информационное пространство было слабо дифференцированным и отличалось крайней узостью. В соответствии с этим и начальная поселенческая структура колонии была представлена почти исключительно городами и во многом тождественными им острогами. Функции их также не отличались большим разнообразием: военно-административная, административно-фискальная, транспортно-коммуникационная. Вместе с тем, исполнение этих функций было связано с факторами в значительной степени конъюнктурными и не оправдывающими в полной мере существование самих городов. Начинается процесс воссоздания полноценной, иерархически структурированной поселенческой структуры, где городские поселения являются важным и необходимым элементом. Причем, первым сибирским городам, являвшимся носителями «зародышей» других типов населенных пунктов: острогов, слобод, монастырей, деревень, заимок, приходилось воссоздавать эту структуру «из себя».

Образования низшего уровня организации поселений, названные нами локальными поселенческими комплексами, обладали значительной степенью

целостности и являлись более сложноорганизованными субъектами пространственной организации, нежели отдельные поселения. Монастырские поселенческие комплексы, в отличие от подобных образований у городов, острогов и слобод, были менее унифицированы в своих пространственных проявлениях, которые в большей степени зависели от инициативности монастырского руководства. Это давало преимущества такого рода, что монастырские вотчины (дискретного и смешанного типа) имели возможность пользоваться самыми разнообразными ресурсами, чего были обычно лишены целостные комплексы. Однако такая возможность оплачивалась слабой связностью и структурной неустойчивостью монастырских поселенческих образований.

Специфику поселенческих массивов на субрегиональном и региональном уровнях определяли главным образом коммуникационные линии, будь то транспортная инфраструктура, или устойчивые материально-вещественные и информационные потоки. Именно коммуникации позволяли существовать столь узкофункциональным группам поселений как уральские металлургические заводы и линии крепостей на южной границе. Не имея возможности обеспечить себя всеми необходимыми ресурсами, данные поселенческие массивы должны были либо заняться своим жизнеобеспечением самостоятельно (что поставило бы их на грань нефункциональности), либо наладить устойчивые отношения с поставщиком ресурсов – массивом земледельческих поселений, в форме более или менее эквивалентного обмена. В начальный период колонизации Зауралья существование всей колонии зависело от подобной коммуникации. Другое дело, что функциональность этого региона зависела, напротив, от его возможностей к самостоятельному ресурсному обеспечению.

Информационные потоки также оказывали свое воздействие на колониальную поселенческую структуру, причем воздействие это было едва ли не ощутимее потоков людских и материально-вещественных. Условия протекания информации в колонии обусловили появление крайне

интересного информационного феномена. Хроническое запаздывание жизненно важной информации привело к неспособности административной структуры колонии к контролю за ситуацией в режиме реального времени. Сопряженное с этим отсутствие механизмов принятия экстренных решений на местах, а, стало быть, и неспособность к адекватной реакции, привели к возникновению практики «опережающего отражения» – попыткам поиска в настоящем ростков возможного опасного будущего и их нейтрализации. Эта практика стала одной из важнейших функций колониальной административной структуры, а инфосфера настоящего все более завоевывалась информационными призраками будущего, уже реально воздействующими на поселенческую структуру колонии.